

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

СИНТЕТИЧЕСКИЙ
СОЛДАТ

Сергей Васильевич Самаров

Синтетический солдат

Серия «Спецназ ГРУ»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6222189

Самаров С. В. Синтетический солдат: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-66747-5

Аннотация

Подполковник спецназа ГРУ Андрей Пересветов узнает о гибели бывшего сослуживца Владимира Чукабарова. Он немедленно отправляется к начальнику уголовного розыска и пытается выяснить причины смерти боевого товарища. Но полицейский ничего определенного сказать не может. Он в замешательстве и уверяет, что ничего подобного никогда не видел: тело Владимира полностью обескровлено, а всю кожу покрывают следы когтей неизвестного животного. Упоминание животного навело подполковника на мысль, что смерть товарища как-то связана с его профессиональной деятельностью: последние несколько лет Владимир работал в секретной лаборатории, в которой ставились эксперименты над собаками...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	36
Глава 4	54
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Сергей Самаров

Синтетический солдат

Глава 1

Телефонный звонок раздался в половине шестого утра. Очень противный звонок. Звонки, которые будят, когда на это не рассчитываешь, всегда противные и сильно раздражают.

И вообще... Когда меня будят в такое раннее время после вечернего, мягко говоря, невоздержания, которое мы с друзьями позволили себе по поводу отпуска, а отпуск получили после возвращения из полугодовой командировки на Северный Кавказ, я всегда слегка нервничаю. Полгода в сложных условиях Северного Кавказа, пусть и не полностью боевых, но тем не менее связанных с риском, никак не укрепляют нервную систему человека, даже закаленного несколькими такими командировками. Это я могу сказать каждому герою, туда рвущемуся, гарантированно. А мне верить, я сам думаю, стоит, потому что я обманывать не люблю. От природы такой человек, к тому же родители покойные так меня воспитывали. И я, проснувшись в половине шестого от телефонного звонка, сначала даже вернулся мыслями в командировку, посчитав, что этот звонок – признак боевой тревоги,

которую мне, как командиру отряда, полагалось объявить. Но быстро вернулся к действительности, обнаружив себя не в тесном командирском закутке, наспех сооруженном в большом складском помещении, оборудованном под казарму нашего командировочного отряда, а в своей небольшой городской квартире, где проекционные часы высвечивали на потолке время суток. В командировке у меня таких часов не было. Да и не позволял я себе в командировках излишеств, как не позволял их и своим офицерам. А вчерашнее вечернее излишество я чувствовал и утром.

Я взял в руки трубку. Посмотрел на определитель номера, думая, что часть нашей вчерашней офицерской компании не удовлетворилась совместно проведенным мероприятием и решила продолжить отдых. И продолжает. И комбата решили к своему столу приобщить. Потому и звонят. Считают, что у комбата голова болит, хотя она у меня крепкая, и лишнего я себе практически ни за одним столом не позволяю. Не много позволил и вчера. Но те, кто продолжает отдых, считают, возможно, не так, поскольку слегка потеряли ощущение реальности. Может быть, и ощущение времени тоже. Излишне расслабились, пользуясь моей добротой. И желают мне здоровье подправить несколькими рюмками вполне сносного французского коньяка.

Я подозревал, что группа офицеров пожелает продолжения. Те, кто не имеет городской квартиры и семью держит не в городе, а в военном городке. Они сбрасывают напряже-

ние после командировки. Я не любитель таких методов купирования нервного напряжения, тем не менее в общее застолье включился, чтобы хотя бы присмотр какой-то за подчиненными иметь. Впрочем, они и без присмотра ведут себя обычно вполне адекватно. Управлять собой умеют. Тем не менее вечер мы провели вместе.

Трубка смартфона показала мне городской номер, отдаленно знакомый, но вспомнить его я сразу не смог и даже память напрягать не стал, гадая. Не то состояние. Но если не вспомнил сразу, тогда, наверное, давно мне с этого номера не звонили. Но если звонят с номера, с которого давно не звонили, причем в такое время, значит, есть какие-то обстоятельства, делающие этот звонок обязательным, и ответить на него нужно непременно.

– Слушаю, подполковник Пересветов, – ответил я хрипло.

– Здравствуйте, Андрей Васильевич, – не извинившись за ранний звонок, произнес высокий и ломкий женский голос, мне совершенно не знакомый. Если человек не просит извинения, то есть несколько вариантов. Или этот человек от природы хам, или он считает себя близким настолько, что может позволить себе подобную вольность, или же сам потерялся во времени и пространстве и не очень хорошо соображает. Судя по голосу, у женщины были какие-то неприятности, скрывать которые она не могла или не хотела. Это легко читалось по интонации.

– Здравствуйте. Кто это?

– Вы меня, конечно, не помните. Мы только один раз с вами мельком виделись, но к вам с большим уважением мой брат относился. Часто о вас вспоминал. В последнее время особенно. Он считал вас надежным другом. И потому я вам именно и звоню.

– Представьтесь, – настаивая, предложил я, как человек, любящий конкретику.

И еще я сразу выделил слова «относился», «вспоминал», «считал». Прошедшее время... Значит, уже «не относится», «не вспоминает», «не считает». Это что-то должно значить, и мне хотелось бы сразу узнать, что именно.

– Я Лиза Чукабарова, сестра Владимира.

– Да, я помню вас, – морщась, сказал я. Я в самом деле ее вспомнил. Мелкая, тощая как щепка женщина с достаточно непривлекательным, прыщавым, как селедка иваси, лицом. Настолько не привлекательным, что к сорока годам она так и не смогла обзавестись спутником жизни. Впрочем, как и ее брат. Возможно потому, что внешне они с братом были сильно схожи. – Помню, я однажды зашел к Владимиру Николаевичу и застал там вас. Но вы уходили, и мы не поговорили, только поздоровались. Как у Владимира Николаевича дела?

Я задал вопрос, чтобы прояснить ситуацию после слов в прошедшем времени. Необходимо было узнать, что они в себе несут, какой смысл.

– Я потому и звоню вам, – она выдержала длительную па-

узу, только громко дышала в трубку. – Володю убили. Вчера вечером в лесу нашли его тело рядом со служебной машиной. Меня из полиции вызвали в морг для опознания, потому что больше Володю и узнать некому. Родных у нас не осталось.

– А что произошло? – Я почувствовал, как из горла ушла хрипота, а сам начал соображать уже яснее и четче, как и полагается боевому офицеру, даже находящемуся в отпуске и основательно вчера расслабившемуся.

– Я потому и звоню вам, – повторила предыдущую фразу Лиза. – С Владимиром что-то странное случилось. Даже в полиции это признают, но на все мои вопросы только плечами пожимают. Обещают разобраться, но как-то так, что им даже верить не хочется. У Владимира в нескольких местах проколото горло и выкачана вся кровь.

– Вытекла вся кровь? – переспросил я, считая, что поправлю ее и уточняю ситуацию, меняя ключевое слово на более, на мой взгляд, верное. – При порванной или просто пробитой сонной артерии это вполне обычный вариант. Странного здесь ничего нет.

– В том-то и дело, что под телом не было никакой лужи крови. Даже на горле и на одежде крови очень мало. А из сонной артерии, как мне сказали, кровь должна бить фонтаном. Хотя бы первое время. Несколько секунд. Но вопрос в том, что в теле ее практически нет. Это я не придумываю. Судмедэксперт после предварительного осмотра так и ска-

зал, что кровь выкачана. Он даже объяснил мне, что, когда она просто вытекает, в мышечной массе много крови все же остается. В мелких сосудах и, особенно, в капиллярах. Из капилляров она практически не вытекает, если сами они не повреждены. И чтобы ее выкачать, специальный насос нужен. Так эксперт сказал. Это целая технология, которая используется только в отдельных случаях самими судмедэкспертами. Для каких-то там исследований. Но процесс этот сложный и кропотливый, и не делается это в лесу, за пределами лаборатории.

Я вздохнул, не зная, до какой степени мне следует доверять собеседнице, поскольку женским эмоциям всегда свойственно иное восприятие, чем мужским, и совсем уж иное выражение. Возможно, Елизавета Николаевна все чуть-чуть преувеличивает или просто не так понимает. Я дотянулся до банки с водой, которую специально поставил на ночь рядом с кроватью, сделал большой глоток и только после этого сказал:

– Елизавета Николаевна, вы, я понимаю, расстроены и потому склонны к преувеличениям. Все просто. Его убили в другом месте, а тело перевезли туда, где оно было найдено.

Я попытался подсказать самую простую версию.

– Вы, Андрей Васильевич, мыслите как полицейский. Они тоже так сначала думали.

Я возразил. Сравнение с полицейским мне по душе не пришлось. Как-то я обычно ставил себя на иную ступеньку

социальной лестницы.

– Это не мнение профессионального полицейского. Это только естественная логика. А наличие крови на одежде... Все зависит от того, как лежало тело после убийства и куда стекала кровь. Тело могло лежать лицом вниз, и была возможность для стока крови. Я не берусь сейчас что-то утверждать, я только предполагаю. Однако вы сказали, что полицейские сначала так думали. Это само собой уже подразумевает, что они передумали. Значит, они передумали?

Я представил, как она суетливо закивала в трубку так, словно я ее вижу.

– Они передумали. Привезти могли только на служебной машине Владимира. Следов другого транспорта там не было. На руле остались только одни отпечатки пальцев – Владимира.

– Вот, касательно этого момента я могу сказать как профессионал. Не как полицейский, а как профессиональный офицер спецназа военной разведки. Даже у нас на службе есть специальные приспособления, которые позволяют управлять машиной, не просто не оставляя отпечатков пальцев, но и почти не нарушая уже существующих отпечатков. Простая техника. Механика. Есть приспособления и для рулевого колеса, и для рычага коробки передач. И отсутствие посторонних отпечатков не является еще доказательством чего-то. Доказательством могло бы стать только наличие чужих отпечатков.

Голова все же болела, и язык шевелился с трудом. Но говорить такие длинные и сложные фразы я себя заставлял, чтобы не показать свое настоящее состояние.

– А следы? Эти... Когти...

– Про следы вы мне вообще ничего не говорили.

– Рядом с телом найдены следы какого-то животного. Не очень отчетливые, тем не менее заметные. Из-за длинных когтей. Это не собака. Точно. Это вообще следы какого-то неизвестного зверя. В полиции говорят, что следы можно сделать искусственно, чтобы сбить следствие с толку.

– На кошачьи следы не похожи?

– Не знаю. Мне следы не показывали. Я со слов полицейских говорю. Но кошачьи следы слишком мелкие. И когти не большие.

– Есть такая крупная кошка – гепард. Мельче леопарда, но тоже серьезный зверь. Я почему про гепарда вспомнил. Гепард – единственная из всех кошек, которая не умеет когти убирать. Они у нее всегда торчат и стучат. И это самый быстрый зверь на свете. И бегаёт быстро, и нападает стремительно. Владимир Николаевич же служил дрессировщиком. Кого он, кстати, дрессировал? Я спрашивал, но мне он так ничего и не сказал.

– Мне тем более. Вы же знаете его. Из него слово вытащить сложно. Знаю только, что работал в какой-то закрытой лаборатории или даже в институте. Наверное, занимался там охранными собаками. Я так думала. Это потому, что у

него дома всегда много разных ошейников и поводков было. Ошейники больше «строгие». Знаете, такие, с шипами, которые в шею впиваются. Чтобы одернуть собаку и подчинить сразу. Такие обычно только на сторожевых собак надевают. У него даже служебная машина была оборудована клеткой. Специально для перевозки таких животных. Но следы рядом с телом были не собачьи. Это полицейские точно говорят.

– А своей собаки у Владимира Николаевича с собой не было? Не помню уже, как ее зовут... Была же у него овчарка. Мне, признаюсь, как-то вообще трудно его представить без собаки.

Это было правдой. Я и видел, то Владимира Николаевича без собаки, можно сказать, считаное число раз, хотя мы служили рядом многие годы. Обычно рядом с ним была или служебная, или его личная собака. Собак он любил так, как не мог любить людей. И его собаки любили гораздо сильнее, чем вообще могут любить люди. Не только его, но и вообще, в принципе – люди. Людям не свойственна преданность, которая сильнее чувства самосохранения. А у любой собаки это в порядке вещей.

– Нет. Его последняя собака умерла около месяца назад. Ее отравили. В городе, если вы слышали, свирепствуют эти мерзкие твари... Как их... Которых, говорят, наш священник проклял вместе с потомками до седьмого колена... Подскажите... А, вспомнила – догхантеры. Разбрасывают по всему городу яд. Даже на детских площадках. Владимир подо-

зревал, что его собаку отравили они. А у меня есть подозрения, что собаку специально отравили, чтобы у Владимира защиты не было. Все-таки овчарки всегда были хорошими защитниками своих хозяев. А дрессировать их Владимир умел лучше многих. Может быть, те самые догхантеры и его убили. Он мечтал найти их логово, потому что действуют они организованно. И не в полицию сдать, а сам хотел с ними разделаться. Как они с собаками. Мог, наверное, что-то узнать, за что его и убили.

– Вы в полиции эту версию высказывали?

– Конечно. Они только посмеялись. Всерьез не восприняли. А я вот наоборот.

– А что вообще в полиции говорят?

– Один шутник вообще ляпнул, что это вурдалак¹ напал. Правда, мне сосед рассказывал, что в городе такие слухи о вурдалаке ходят. А убийство Владимира – это уже четвертое убийство такого рода. И всего за полгода. Но я в вурдалаков не верю.

Я тоже мало склонен верить во всякие сверхъестественные случаи, но гадать, ничего по сути дела не зная, я не собирался. Чтобы рассматривать любую версию, требуется иметь на руках хоть какой-то набор фактов. То, что Елизавета Ни-

¹ Вурдалак – Врыколак, Вурколак и Вукодлак (Россия, Богемия, Сербия, Албания, Черногория) – умерший вампир, оборотень в славянской мифологии, человек-оборотень, обладающий сверхъестественной способностью превращаться в диких животных, нередко промышляющий высасыванием крови из своих жертв, как вампир.

колаевна рассказала, фактами по большому счету не являлось. Это было, в первую очередь, проявлением ее эмоций.

Капитан Владимир Чукабаров, которого в бригаде спецназа ГРУ звали за глаза шутливо Чупакаброй, был начальником кинологической службы. Готовил для бригады собак-саперов и проводников к ним. В отставку он вышел три года назад, после сорокалетнего юбилея. Посчитал, что в его возрасте носить капитанские погоны уже не солидно, а должность не позволяла получить более высокое звание. Какого-то продвижения выше ему не светило, поскольку бригадные кинологические службы были вообще в спецназе ГРУ самым крупным звеном, а в центральном аппарате кинологической службы не было вообще.

Когда капитан собрался уйти в отставку, я, как единственный человек, с которым он общался более-менее на дружеской ноге, посоветовал ему сначала найти новое место работы.

– Я уже нашел, – сообщил тогда Владимир Николаевич.

– Кем?

– Дрессировщиком.

– В цирк, что ли?

– Нет.

Больше он объяснять ничего не захотел. И я, зная скрытый характер этого человека, его способность просто молчать в ответ на простой вопрос, словно не слышит, не спрашивал больше. Да и не настолько мы были близки, чтобы

расспрашивать. Просто другие с ним вообще не общались, а я общался. Может быть, благодаря общей нашей страсти к зимней рыбалке – мы с ним время от времени на моей машине выезжали на дальние озера, где рыбаков было меньше, чем рыбы. Наверное, Владимиру Николаевичу просто нужно было с кем-то из сослуживцев общаться помимо службы, чтобы совсем не провалиться в одиночество, и он выбрал меня. Не знаю. Но и после его выхода в отставку Чукабаров время от времени навещал меня в городе, зная дни, когда я приезжаю. Я тогда тоже остался один после развода с женой, не пожелавшей больше переживать и терпеть мои командировки в «горячие точки». Нервы у нее не выдержали после того, как меня привезли не домой, а сразу в госпиталь. Она уехала к матери в Москву вместе с сыном. Меня поставила в известность только после того, как я пошел на поправку. Оставшись один, я первое время тоже одиночеством тяготился. И, чтобы это чувство в себе погасить, время от времени навещал Чукабарова. С ним можно было просто посидеть на кухне, попить чаю и ни о чем не говорить.

Мысли о жене и собственном одиночестве пришли в голову тогда, когда я стал думать об одиночестве отставного капитана Чукабарова. Но у него хотя бы сестра была в городе. Кто будет меня опознавать, случись что-то подобное? Или я, как все люди, уверен, что плохое происходит только с другими, а уж со мной-то этого не произойдет?

– Вы, Елизавета Николаевна, откуда сейчас звоните?

– Из дома. Меня после полуночи уже привезли на полицейской машине. Ночью в городе одной ходить опасно. Кругом эти азиатские дворники. А дома я уснуть так и не смогла. Чуть время к утру приблизилось, стала вам звонить. Больше мне и обратиться не к кому. Извините, что так рано, но я немножко не в себе.

Это я уже почувствовал, но промолчал.

– Я почему спрашиваю. Номер мне показался знакомым, но я его и не знал никогда.

– Может быть, запомнили просто, когда Владимир от меня вам звонил. Это раза три было.

– Возможно. У меня память хорошая.

– Итак, Елизавета Николаевна, у меня вопрос по существу: что от меня требуется? Чем я могу помочь?

Ее звонок в такое раннее время сам по себе говорил, что ей требуется какая-то помощь. Сейчас же, когда я напрямую спросил, женщина растерялась. Значит, это была не просьба о помощи, а просто исповедь. Иногда человеку необходимо сбросить груз с души и что-то рассказать другому. Может быть, даже малознакомому или совсем незнакомому. Близкому человеку рассказывать труднее. А что касается помощи, то ее я мог оказать только советом. Что иначе я мог подсказать, не зная практически ни одного реального факта? Ведь все, что рассказала Елизавета Николаевна, есть только всплеск эмоций. А фактами следует еще поинтересоваться.

– Так что я могу для вас сделать? – повторил я вопрос.

– Для меня – ничего. Вот для Владимира, для его памяти, может быть...

– Итак... Конкретнее...

– Вы можете сейчас ко мне приехать?

Вопрос прозвучал неожиданно. Честно говоря, после вчерашнего я вообще предпочел бы не садиться за руль. Но при таких чрезвычайных обстоятельствах...

– Говорите адрес. Я сначала в гараж за машиной зайду, потом приеду. Гараж от меня недалеко... Говорите адрес...

* * *

Вот в чем меня всегда было трудно упрекнуть, так это в длительных сборах. На подъем и на сборы я всегда был легок. Сказывалась привычка вставать по тревоге и даже других подгонять, показывая им пример. Умыться, одеться, и можно выходить из дома. С порога, обернувшись, я потянул носом. В квартире стоял неприятный затхлый запах. Вчера вечером офицерская компания надышала перегаром. Хорошо еще, что ни один офицер у меня в батальоне не курит. Форточки я всегда держу открытыми, даже в самый крепкий мороз, но не хватает в квартире сквозняка. Надо было бы дверь заранее открыть, чтобы проветрить.

В подъезде нашего пятиэтажного дома свет горел только на лестничной площадке моего пятого этажа. Ниже жильцы, видимо, сэкономили на электричестве. С тех пор, как в

квитанцию по квартплате стали включать неизвестно куда уходящие общедомовые расходы, люди стали задумываться о том, всегда ли им нужен свет. Я темноты не боялся, поскольку в полумраке видел неплохо. Сказывалась привычка к ночным операциям. Не зря же на эмблеме спецназа ГРУ изображена летучая мышь, которая не просто реально и безошибочно в темноте ориентируется, но даже постоянно живет в темноте. Слухи о вурдалаках, нападающих тоже, как известно, в темное время суток, до того как пропоет первый петух, меня беспокоили мало. Тем более, судя по времени, уже третьи петухи пропели. Я не великий русский полководец Александр Суворов², и не вожу с собой в командировку петуха, и тем более дома такую живность не держу за неимением курятника. Но знаю хорошо, что первые петухи поют в первом часу ночи, вторые петухи подают голос во втором часу, а третьи – уже в четвертом. Тем не менее мысли о вурдалаках в голову пришли и держались там, пока я спускался по лестнице. На площадке между первым и вторым этажами, там, где почтовые ящики, я наступил на руку лежащему под батареей отопления человеку. Он руку убрал. Разобрать в темноте, кто там лежит, было сложно. Только устойчивый запах мочи бил в нос. Не пиная, я тронул ногой руку повторно.

² Согласно преданиям, великий русский полководец А. Суворов даже в заграничных походах всегда возил с собой петуха и приучал армию соразмерять свой распорядок с петушиным пением.

– Эй, вурдалак, ты что здесь устроился...

– Замерз, командир... Дай хоть отогреюсь, потом уйду...

Я пожал плечами:

– Грейся, коли так. Скоро старушки подъездные проснут-ся, они тебя все равно выгонят.

– Я знаю. Хоть немного еще погреюсь...

Я прошел мимо, хорошо понимая, что киллер, придумав-ший такую ситуацию, свободно мог бы выстрелить мне в спи-ну. Любому киллеру нетрудно одеться под бомжа. Но от кил-лера не будет идти такой устоявшийся запах бездомности и безысходности. И потому выстрела в спину я не опасался. К тому же он лежал под окном, а я спускался в темноту. И мое положение в этом случае было выигрышным. Да и покуше-ния на себя я не предвидел. Не заслужил еще, чтобы меня «заказывали».

Просто я привычно, как в командировке, оценил возмож-ную опасность и проанализировал ее...

Глава 2

До гаража мне в самом деле идти было недалеко. К тому же к утру сильно подмораживало, мерзнуть я не люблю и не умею, и потому шел быстро, чтобы морозец не проникал под бушлат. Зачем в гаражном кооперативе сидит сторож и за что он вообще зарплату получает, честное слово, я не знаю. Вообще-то в его будке горел свет. Но сам сторож даже не вышел, когда я прошел мимо к своему гаражу. Мой невеликий размерами, но отчаянный «проходимец» завелся без проблем, как и полагается автомобилю, называющему себя джип «Ренглер». Развернувшись в узком пространстве между рядами гаражей, я поехал к воротам, перегороженным цепью, думая о том, что сторож, наверное, не выйдет, чтобы снять цепь, и мне придется выходить самому. Но после выезда я уже останавливаться не намеревался. Если сторожу это надо, он выйдет и повесит цепь на место. Хотя кого охраняет эта цепь, было непонятно, как было непонятно, кого охраняет сторож. Однако на звук двигателя моего внедорожника сторож все же вышел и опустил цепь на землю. Я выехал, и никто меня не спросил, на своей машине я еду или чужую из гаража украл. Хотя бы из любопытства сторожу поинтересоваться следовало. Но он, видимо, любопытства был лишен совершенно. Встречаются иногда такие.

Адрес Елизаветы Николаевны я запомнил без проблем,

это было недалеко от места, где жил ее брат. И также без проблем ехал в этот утренний час через весь город. Еще не наступило время, когда на отдельных участках, например, желая переехать реку по мосту, приходится стабильно терять целый час. Улицы наших городов строились без расчета на такое количество автотранспорта, которое приходится наблюдать сейчас. Но в ночные часы и даже в часы раннего утра можно ездить в свое удовольствие. Правда, я старался ехать аккуратно и не нарушать ни одного правила, потому что меня беспокоило вчерашнее вечернее расслабление. Инспекторы ДПС могли бы на это среагировать. Вернее, не сами инспекторы, а их алкотестер. По утрам, когда и у инспекторов голова начинает болеть, он обычно срабатывает даже на тех, кто несколько лет ни грамма не принимал. Сам процесс этот в просторечье называется «кнопкой», которой включают «доильный аппарат» инспекции ДПС. Но мне повезло, только издали видел какую-то полицейскую машину с включенным проблесковым «маячком», но она куда-то торопилась. И, мне показалось, не ко мне.

Нужный дом я нашел сразу. Заехал в арку под каким-то то ли магазином, то ли под парикмахерской. С подъездом, правда, сначала ошибся, поскольку мне сказали только номер квартиры, и я сначала остановился у другого. Пришлось переехать. У нужного подъезда был выделен даже «карман» для парковки транспорта, и мне не пришлось перегораживать тротуар. Мой «Ренглер» легко вписался в отведенное

ему место и даже оставил место для еще одной машины, которой поблизости в этот ранний час не оказалось.

На домофоне я набрал номер квартиры и нажал кнопку вызова. Елизавета Николаевна ответила сразу:

– Кто там?

– Подполковник Пересветов.

– Заходите... Третий этаж...

Замок громко щелкнул, повинувшись приказу сверху, и при слабом свете неприятной почему-то желтой лампочки я нашел лифт. Не знаю по какой причине, но ноги не хотели идти пешком, хотя подниматься необходимо было только на третий этаж. Мне вообще расхотелось наносить такой ранний визит, но, поскольку обещал, приехать я был обязан. Как обязан был побороть свое слегка разбитое состояние. Впрочем, состояние я уже почти переборол, иначе я не сел бы за руль, а вызвал такси. А вообще ощущение было такое, что я приехал зря и придется мне выслушать много всякой ерунды. Проще было бы сразу в райотдел полиции заехать и там навести справки. Хотя там имеют полное законное право послать меня подальше с моим желанием что-то разузнать. Родной сестре они могли еще что-то рассказать и показать. А постороннему – едва ли. Даже если этот посторонний – комбат спецназа ГРУ. Дела полиции не касаются дел военной разведки, и точно так же дела военной разведки не касаются дел полицейских. Только у меня было опасение, что случай этот вовсе не такой загадочный, каким видит его Елизаве-

та Николаевна. Может быть, там и убийства-то никакого не было. Знал я одну пожилую женщину, которая много лет была уверена, что мужа ее дочери убили друзья на рыбалке, хотя он просто утонул. Все были пьяные и помочь утопающему не смогли. Но переубедить женщину никто не сумел. Возможно, точно такая же история произошла и здесь. Вообще в моем понятии эмоции женщины всегда ассоциировались с пробуксовывающей в грязи машиной. И двигатель работает, и колеса крутятся, и машина вся дрожит и вибрирует, а с места сдвинуться не может.

Елизавета Николаевна уже открыла дверь квартиры, дожидаясь меня. Она была одета явно не в домашний, хотя полностью лишенный элегантности, костюм, словно собралась уже куда-то в этот ранний час. Впрочем, в ее состоянии вполне можно было допустить, что она и не переодевалась, приехав ночью домой. Спать она, по ее словам, не ложилась. Внешне Елизавета Николаевна почти не изменилась с тех пор, как мы случайно встретились. По крайней мере, в моей памяти она отпечаталась именно такой, и даже стресс после гибели или просто смерти брата не мог сделать ее вид более непривлекательным, чем уже сделала его природа. Однако нельзя было не заметить фамильное сходство с Владимиром Николаевичем.

– Здравствуйте, – сказал я, шагая через порог, когда она распахнула дверь пошире.

– Здравствуйте. Проходите. Можете не разуваться. Я сама

не разувалась, уже наследила.

Я прошел в стандартную комнату стандартной однокомнатной квартиры, и там почему-то сразу запахло одиночеством. Ощущение было такое, что я пришел в гости к самому Владимиру Николаевичу. В его квартире ощущения были точно такие же.

– Итак, Елизавета Николаевна, чем я могу вам помочь. Я понимаю, что похороны – это всегда хлопотно и этим должен заниматься мужчина...

– Извините, Андрей Васильевич, пока о похоронах речь не идет. Мне сказали, что тело брата отдадут не раньше, чем через десять дней. Все это время с ним будет работать эксперт. Мне просто показалось, вы не очень верите мне, что Владимира убили, и потому я пригласила вас, чтобы вы сами убедились.

Она взяла со стола стопку листов и протянула мне.

– Что это?

– Все документы, которые пока имеются в уголовном деле. Копии, естественно.

Я удивился:

– Как вы это раздобыли? Чтобы менты... Полицейские то есть, дали кому-то на руки такие документы, я такого и не слышал...

– Все просто. Начальник районного уголовного розыска – мой одноклассник. Мы с ним когда-то даже за одной партой сидели. Он позволил сделать мне ксерокопии.

– С вашего разрешения, я просмотрю...

– Для этого я вас и пригласила.

Она выдвинула из-под стола стул и села на самый его краешек, как садятся стеснительные люди. Руки на колени положила ладонями вниз. О чем-то эта поза говорит на языке жестов, но я, честно говоря, не помню, хотя когда-то даже зачет по этому предмету сдавал. В жизни мне подобные знания использовать не приходилось. Потому все и забылось.

Я вытащил очешницу, нацепил очки на нос, стесняясь своей возрастной дальнозоркости, как порока, и стал читать. Читаю я вообще-то быстро. Даже рукописный текст. Наверное, на ознакомление со всеми документами, включая первоначальное заключение судебного медэксперта, у меня ушло около сорока минут. После этого я положил бумаги на стол, где они и лежали раньше.

– И что скажете? – поинтересовалась Елизавета Николаевна.

– А что я могу сказать? Пока ничего. И сомневаюсь, что смогу что-то сказать позже. Я же не имею следственных полномочий. Кстати, а почему следствие начала полиция? По тяжести это дело должно сразу переходить в ведение следственного управления следственного комитета.

– Они сказали, что в следственном управлении какая-то авария, трубы прорвало и половину здания затопило, поэтому следователь будет только сегодня. Да и нашли Владимира уже поздно. Рабочее время закончилось. А дежурная след-

ственная бригада, сказали, из-за аварии выехать не может. Сегодня следователя с утра выделяют. Полицейские все передадут ему. Обещали даже устно высказать мою, как они называли, версию относительно догхантеров. В протокол это не занесли. Даже посмеялись.

– Да. Они, как я слышал, и без того до догхантеров добраться не могут. Или связываться по какой-то причине не хотят. А тут еще убийство на догхантерах повиснет. Заставят искать. А полиция не любит искать то, что глубоко прячется. Ладно. Еще вопрос. Тут перечень всего, что было в карманах Владимира Николаевича. Деньги пересчитаны до копейки. Все документы. Паспорт, военный билет офицера запаса, пластиковая карточка-пропуск на территорию какого-то НПО «Химера». Но я как-то сразу обратил внимание, что в перечне отсутствуют ключи от квартиры. Вы их не забрали?..

– Разве? – встрепелась Елизавета Николаевна, не ответив на мой вопрос, схватила копии документов и стала смотреть. – Да. Действительно. У него был специальный чехол для ключей. Я ему на день рождения подарила. Он всегда его в кармане носил. Натуральная толстая кожа. Тиснение какое-то. Орнамент. Заметная вещь...

Она выглядела растерянной, не понимая, что может значить исчезновение ключей.

– Я тоже видел у него в руках этот чехол с ключами, – сказал я. – Он мне показывал когда-то. Когда еще у нас в бригаде служил. Жаловался, что золотое тиснение стирается.

Спрашивал, нельзя ли обновить. Но... Исчезновение ключей – вопрос вообще-то интересный и, мне думается, не случайный. Второй экземпляр ключей он держал дома?

– Дома у него есть второй экземпляр. А третий у меня.

– Так что же вы молчите, – рассердился я ее несообразительности. – Я уж думал, как бы побыстрее в бригаду съездить, чтобы отмычки добыть. Или хотел попросить кого-то, чтобы привезли сюда. Едем сейчас же...

– Ключи только найду. Я ими только пару раз пользовалась. Куда положила... Сейчас соображу... – она терла высокий рахитичный лоб и соображала. Наконец сообразила, заспешила в прихожую к вешалке и загремела оттуда ключами. Я понял, что она нашла их на вешалке в какой-то своей одежде. – Вот они. Поехали...

* * *

Признаться, пропажу ключей от квартиры я лично, в силу собственного отношения к полиции вообще и к людям, там работающим, связал именно с полицейскими. Скорее всего, с кем-то одним или двумя, кто имел доступ к делу и к телу, то есть проводил осмотр трупа и описывал все, что нашлось в карманах убитого. Слишком часто приходится слышать о нечистых на руку полицейских. Настолько часто, что вера в них уже на много лет вперед у меня, как и у всех людей, потеряна. В моем понятии, сделать из полицейского порядочного

человека равносильно тому, что попытаться сделать из танка самокат. Запасных деталей и различных агрегатов уйма. А подходящих не подобрать, потому что самокаты не бывают гусеничными, даже если в качестве самокатчика рассматривать слона. Может быть, я был сугубо не прав в своем представлении, и порядочные люди среди них все же есть, тем не менее меня в этом надо предварительно убедить живым примером, тогда поверю, что правил без исключения не бывает.

И сразу, именно благодаря этому стандартному восприятию, возникла мысль, что какой-то сотрудник полиции пожелает заглянуть в квартиру убитого Владимира Николаевича, чтобы хоть чем-то там пожить. Хотя пожить в небогатой однокомнатной квартире, насколько я знал, было нечем. Никогда начальник кинологической службы бригады спецназа ГРУ капитан Чукабаров хорошо не зарабатывал, как не зарабатывал потом и дрессировщик Чукабаров. Это я знаю хотя бы потому, что он временами ко мне забегал, чтобы денег до зарплаты перехватить. С тех пор, как я стал жить один, у меня свободные деньги стали водиться всегда, потому что как-то резко вдруг перестало требоваться совершать какие-то покупки. Я вполне удовлетворялся тем, что имел, и жил без излишеств, как и Чукабаров. Но свободными средствами я почти всегда располагал, хотя и небольшими. Тем не менее грабитель, даже не зная, что есть в квартире, может в нее пожаловать только потому, что там есть что-то чужое, что всегда кажется ему самому необходимым. Когда

у Владимира Николаевича была собака, она едва ли впустила бы кого-то в квартиру. Чукабаров в самом деле был отличным дрессировщиком. Своих и служебных собак воспитывал идеально и для работы, и для социального существования, как он сам говорил, подразумевая под этим понятием, как я понял, отсутствие необоснованной агрессии. Наверное, это был какой-то особый термин из кинологии, потому что про процесс социализации собак Чукабаров говорил не однажды. Но обоснованная агрессия свойственна даже самым добрым собакам, особенно если они этому обучены опытным человеком.

Мы ехали опять быстро, хотя машины на улицах уже появились, но было их не так много, как днем, и ни в одной пробке простаивать не пришлось. Тем более и ехать-то было недалеко. Двухкомнатная квартира Владимира Николаевича располагалась в таком же, как у меня, панельном пятиэтажном доме, на втором этаже. Света в окнах, естественно, не было. Если кто-то и зажигал его, то выключил. Вообще воры обычно, забираясь в квартиру, уходят, поживившись, и не трудятся закрыть за собой дверь. Так я, по крайней мере, от кого-то слышал. Дверь оказалась запертой, и это давало надежду застать квартиру нетронутой чужими руками. Елизавета Николаевна открыла дверь ключами. Закрыта она оказалась на оба замка. Впрочем, я вспомнил, что сам Владимир Николаевич, даже если дома находился, обычно тоже на оба замка дверь закрывал. Не то чтобы боялся кого-то,

просто привычка у него такая была.

Мы вошли смело, причем первым, отодвинув Чукабарову в сторону, вошел я. Это на случай, если в квартире кто-то есть. Елизавета Николаевна сразу включила свет. По крайней мере, внешнего беспорядка, свойственного ограблению, мы не обнаружили. Почти все здесь было таким же, как в момент моего последнего появления месяцев восемь назад. Единственно, в восточном углу добавился иконостас. На самом иконостасе стояли икона Спаса, Богородицы и Николая-угодника. По стенам вокруг висело множество разных икон. Я не знал, что Владимир Николаевич человек верующий. Как-то раньше у нас разговора об этом не заходило.

Прошлись по квартире. По первой комнате, потом по второй. Там я снял бушлат, повесил его на спинку стула, поверх черной куртки из грубой ткани, принадлежавшей, видимо, хозяину квартиры, и сел за рабочий стол отставного капитана. Хотя и мельком, но успел рассмотреть на рукаве черной куртки эмблему, изображающую в центре круга какое-то странное существо с головой льва и хвостом змеи, и явно не с львиным торсом. По кругу на эмблеме было написано: «Научно-производственное объединение «Химера». Странное название, но меня названия пока касались мало. Сам же рисунок мифологической химеры³ заинтересовал еще мень-

³ Химера – в древнегреческой мифологии чудовище с головой и шеей льва, туловищем козы и хвостом змеи. Из пасти изрыгало пламя. Порождение Тифона и Ехидны. Убил ее герой Беллерофонт, поразив стрелой из лука.

ше. Должно быть, это была служебная одежда Владимира Николаевича. Что-то вроде униформы.

– Владимир вел дневник, – сообщила Елизавета Николаевна. – Уже много лет. Там, конечно, не его служебные дела, а в основном все, что касается собак и наблюдения за ними. Он говорил, что фиксирует все отклонения в поведении или здоровье своих животных. Это профессиональное. Думаю вот, может, он там что-то про догхантеров написал? Дневник должен быть здесь...

Она подошла к столу и сразу открыла общую тетрадь большого формата. Видимо, знала, как дневник выглядит.

– Вот он...

– Но все-таки странно, что при нем не было ключей, – сказал я. – Мне лично это очень не нравится. Этого быть не должно.

– Мне тоже не нравится. Он всегда ключи с собой носил, – согласилась она. – Я вот и думаю... Если его убили догхантеры, значит, он что-то о них узнал. И мог записать это в дневник. И они ключи украли, чтобы дневник этот найти.

– Для хранения таких вещей сейчас существуют другие технологии, современные, – сказал я, кивая на стоящий в углу стола ноутбук. – И более надежные.

– Чем компьютер надежнее бумаги? Ведь в компьютере все можно точно так же прочитать.

Но я уже увидел кабель, идущий от ноутбука к розетке с особым разъемом. Значит, у Владимира Николаевича был

выход в Интернет.

– Есть такое понятие – облачный диск. Диск этот не на самом компьютере, а на сервере какого-то интернет-портала. И доступ туда имеет только сам пользователь. О существовании облачного диска могут даже не догадываться посторонние. Если он хранил эти данные на облачном диске, мы с вами добраться до них не сумеем. Но я посмотрю. Я даже специалиста приглашу, чтобы он покопался в ноутбуке. Может, что-то и найдет. Если вы, Елизавета Николаевна, разрешите мне с собой ноутбук забрать.

– Конечно-конечно, – согласилась она. – Может, что и получится...

– А что касается дневника, то я хотел бы его просмотреть. Может быть, там что-то найдется. Как-никак, я профессиональный разведчик. Искать потерянное или неизвестное – моя профессия. Не возражаете?

Она посомневалась несколько секунд, потом положила общую тетрадь передо мной прямо на ноутбук. Значит, посчитала, что я лучше разберусь.

– Теперь что касается ключей. Я бы съездил в магазин и купил новый замок. Квартиру пока оставлять без присмотра не стоит. У вас есть время? Подождать вы сможете?

– Я сегодня на работу в любом случае не выйду. Не смогу просто. Состояние не то. Могу и здесь подождать. Только магазины еще не открылись. Придется опять подождать.

Я посмотрел на часы. До открытия магазинов оставалось

больше часа.

– Да. Подождем. Можно и отдохнуть. У вас, я смотрю, глаза закрываются. Вы еще в машине заснуть пытались.

– Там меня укачивало.

Мне на это оставалось только усмехнуться:

– У меня не та машина, которая укачивает. Моя машина больше предназначена для того, чтобы разбудить. Просто вы устали. Отдохните пока здесь. А я в большой комнате в кресле подремлю. Как магазины откроют, я вас будить не буду. А приеду, позвоню.

Елизавета Николаевна вздохнула и кивнула:

– Согласна.

* * *

Я несколько минут сидел в кресле, расслабившись, потом сходил на кухню, чтобы выпить холодной воды. Во рту сохло, как будто язык готов был потрескаться, жажда слегка дожимала, хотя голова уже соображала нормально. Я не позволял себе расслабиться, не имея привычки жалеть себя и лелеять, и потому не расслаблялся. Возвращаясь в кресло, увидел, что Елизавета Николаевна выключила в своей комнате свет. Но из большой комнаты свет идет, наверное, под дверь. И потому я его тоже выключил. С улицы, где еще не начало рассветать, сквозь окна, прикрытые легкими шторами, светили уличные фонари, и в комнате было почти светло.

Усевшись в кресло, я пожалел, что не взял из той комнаты ноутбук. Можно было бы посмотреть, какие материалы записывал Чукабаров, уже здесь, сразу. Вообще содержимое компьютера всегда способно многое рассказать о человеке, обрисовать круг его интересов, невзирая даже на то, что это не тот компьютер, которым пользуются на службе. Понятие домашнего компьютера для того, наверное, и существует, чтобы дать человеку возможность интересоваться тем, что волнует его помимо службы. Но сестра Владимира Николаевича затихла за дверью, может быть, даже уснула, и будить ее ради того, чтобы просмотреть содержимое компьютера, я не стал. У меня еще будет много времени, чтобы этим заняться, потому что отпуск у меня после боевой командировки длинный. Времени хватит на все.

Оставалось тихо ждать... Не зная, чем себя занять, я закрыл глаза и расслабился. Чтобы и мне отдохнуть, времени хватало. Я дал себе внутреннюю команду проснуться без десяти минут девять и знал, что подсознание команду выполнит с точностью в пару минут в ту или иную сторону. Это проверенный вариант, и доверять ему мне доводилось даже в боевой обстановке. Когда другие включают будильники на наручных часах или на трубках сотового телефона, я всегда включаю будильник только в голове. Он работает безотказно, и ни разу меня не подводил. А если я ставлю все-таки обычный будильник на какое-то время, то внутренний будит меня всегда за пару минут до звонка с тем, чтобы я успел его

выключить.

А потом, рассеянно глядя в пустую стену перед собой, я дал себе команду ко сну. И легко, почти без принуждения, стали тяжелеть веки. Глаза быстро закрылись сами по себе. Я заснул еще и потому, наверное, что организму требовался отдых после вчерашнего вечернего мероприятия. Я не то чтобы болел с похмелья, просто чувствовал повышенную усталость. Это оттого, что организм, непривычный к возлияниям, все спиртное принимает как яд и борется с ним. Наверное, такая борьба тоже перенапрягает.

Но, даже провалившись в мягкий сон, я понимал, что, вернувшись из боевой командировки, еще не полностью вышел из того боевого настроя и особого ритма жизни, присущего подобным мероприятиям. Иначе говоря, мое подсознание все еще не могло расслабиться и было в том же командировочном состоянии, то есть в напряженном ожидании. И потому, наверное, как только раздались посторонние звуки, я сразу проснулся с ясной головой, готовый к любым действиям. И происхождение звуков определил сразу. Кто-то пытается открыть один из дверных замков. Но сразу что-то не получается. Ошибиться с ключом было невозможно. Ключи совершенно разные и соответствуют замочным скважинам. Потом я вспомнил, что Елизавета Николаевна, войдя, закрыла дверь только на один замок, на нижний. А открыть пытаются, видимо, верхний. Но он и без того открыт, и потому ключ не проворачивается...

Глава 3

Вся квартира мгновенно предстала в голове в виде плана. С планом мне работалось даже лучше, чем с естественным видом. И голова заработала, как привыкла работать в боевой обстановке. Память о вчерашнем вечере, каплями и парами застрявшая в организме, выветрилась моментально, словно его и не было никогда. И сразу все встало на свои места, нарисовались необходимые действия и возможные действия противника. В данном случае любые действия тех, кто входил в квартиру, я обязан был рассматривать как действия противника, и никак иначе. Это было априори даже в том случае, если бы вошедшие люди были в форме полицейских. Наличие формы никоим образом не смутило бы меня.

Самая подходящая позиция для атаки, дающая возможность предварительной оценки ситуации, обзора и принятия правильного решения, была за дверью из прихожей в комнату. Там, сразу за дверью, была расположена ниша с занавеской. Может быть, даже не ниша, а чулан, который сам Чукабаров звал нишей, и я мысленно повторял это название. Владимир Николаевич использовал ее в качестве шкафа. Ступив туда, я не помешал бы двери открыться и в щель между дверью и косяком вполне мог бы наблюдать за тем, что происходит в прихожей, кто вошел, что за люди, и, соответственно, составить план собственных действий.

Я не прошел, а проскользнул за дверь и спиной вперед ступил в нишу, отодвинув лопатками занавеску, какие-то вещи, старые пальто, куртки, еще что-то, висящее на вешалке, и во что-то лопатками уперся. Наверное, в стену. Или во что-то к стене прислоненное. Хотя я считал, что глубина ниши должна быть больше, потому что одежда висела прямо, как ей и полагается висеть, на «плечиках», а я на всю глубину не продвинулся. И вообще дверь от внутренней стены отставлена метра на полтора, значит, и глубина ниши-чулана должна быть около того. А мой живот на полтора метра вперед никак не выступает. Я всегда за своей фигурой слежу. Значит, я должен был поместиться там свободно. Однако не поместился. Но проверять глубину ниши в мои намерения не входило, да и времени у меня на это не было. Я сразу наклонил голову и приложил глаз к щели. В темноте прихожей, в которой окон, естественно, не было, пытался хоть что-то увидеть. Но дверь еще не открылась. Кто-то продолжал возиться с замком. Руки, видимо, умеют только протоколы писать. Но для этого тоже особый талант нужен. Наконец в замке перестал звенеть ключ, дверь приоткрылась, и в прихожую лег кривой четырехугольник света. И быстро не вошли, а шмыгнули за дверь двое в черных куртках и в таких же черных беретах. Их торопливость стала понятна, когда через тонкую дверь с лестницы послышались голоса. Разговаривали мужчина, женщина и два ребенка. Причем дети разговаривали громко, на весь подъезд. Это было на детей не по-

хоже. Обычно они с утра бывают сонными и молчаливыми. Наверное, их уже давно подняли с постели. Успели детскую активность приобрести. Но я на происходящее в подъезде не отвлекался. Пришедшие держали дверь рукой и только после того, как стихли голоса, закрыли ее на ключ. В этот раз справились быстро. Наверное, приобрели навык.

Что это были за люди, я понять не мог. Могло быть и так, что менты переоделись. Но почему в одинаковую униформу? Черную униформу носит полицейский спецназ. Но спецназ пришел бы сюда с оружием. Полицейский спецназ вообще любит с автоматами даже в туалет ходить, словно оружие добавляет их внешнему виду мужественности перед унитазом. Хотя я не унитаз и далек от мысли причислять людей к спецназу только по костюму или по надписи на спине и на нарукавной эмблеме. Написанному я вообще не всегда верю. Так жизнь научила.

На мой взгляд, эта парочка слишком долго чего-то ждала в прихожей. Словно не решались ребята пройти в квартиру. Но и завалиться спать под дверью они тоже, кажется, не собирались. Половик, сбитый нашими с Елизаветой Николаевной ногами, не поправили и даже не искали, что бы такое мягкое под голову подложить. Наверное, просто прислушивались. Елизавета Николаевна, к счастью, не храпела во сне. Пришедшие наивно успокоились. И – какие ведь умницы! – догадались наконец-то включить в прихожей свет. Тогда я и смог прочитать у них на спине надписи «Охрана», а на ру-

кавах увидел точно такие же эмблемы, что на черной куртке, висевшей на стуле в соседней комнате – рисунок со стилизованным чудовищем и круговая надпись вокруг рисунка «Научно-производственное объединение «Химера». Это было, честно говоря, слегка неожиданно. Охранники пришли с работы Владимира Николаевича. И у них были ключи от квартиры. Не вороватые полицейские, а охранники. Я раньше несколько раз спрашивал, не особо, впрочем, настаивая на подробном ответе, куда же Чукабаров устроился работать. Владимир Николаевич отделялся общей фразой:

– Контора такая... Раньше была «почтовым ящиком». Сейчас просто контора... Насколько я понимаю, не совсем частная...

На естественный вопрос, чем он там занимается, ответ следовал не менее общий и такой же обтекаемый:

– Что я, кроме дрессуры, умею делать? Вот и делаю, что умею...

И никаких подробностей. Но я сам хорошо знал, что предприятия, которые раньше назывались «почтовыми ящиками», то есть закрытые предприятия, если сумели сохраниться или восстановиться, теперь, пусть даже работают не под государственной «крышей», а являются какой-либо формой частного владения, чаще всего, бывшего руководства, занимаются такими же «закрытыми» научными темами, что и раньше. И потому, как человек военный и прослуживший всю сознательную жизнь в подразделениях ГРУ, где учат не

совать нос в дела смежников и знать только то, что тебе положено знать и что знает твой потенциальный противник, я не расспрашивал Владимира Николаевича. Каждый из нас дает «подписку о неразглашении». И чужие секреты следует уважать, если хочешь, чтобы уважали твои. Ведь и Владимир Николаевич не расспрашивал меня после очередного возвращения из какой-то командировки, чем я там занимался. Все естественно, и все понятно. На том вся армия и все, что к секретной работе относится, держится. И слава богу, что еще держится.

Но вопросы у меня возникли. Охранники «просто конторы» со странным названием «Химера» пожаловали в дом к только что убитому человеку, у которого в карманах не оказалось ключей от собственной квартиры. Что я должен был подумать? Я и подумал, что ситуация здесь складывается такая же, какую я и раньше представлял, только место, которое я отводил полицейским, оказалось занятым. Полицейские подождут, когда охрана желает поживиться...

* * *

Отсутствие полицейских воров ничуть не повлияло на мои планы. С доброй улыбкой я, не видимый по другую сторону двери, наблюдал, как эти ребята сначала вешалку осмотрели и обшарили все карманы одежды. Хорошо, что я там свой бушлат не оставил. А то им чужих карманов не

хватило. Слишком мало нашли. Что-то себе в карманы положили. Мне показалось, какую-то денежную мелочь и горсть семечек. Больше там ничего их не заинтересовало. Потом гуськом, и даже гусиной походкой, двинулись друг за другом в большую комнату. Пора уже, пора... Пора мне начинать действовать.

Момент я рассчитал правильно. Один прошел вперед и оказался ко мне спиной. Значит, следовало их разделить на две равные составляющие. Что я успешно и сделал с помощью двери, закрыв ее достаточно резко за спиной у первого. Второму, конечно, слегка сплющило нос, но это не так страшно, как то, что я первому приготовил.

Он обернулся на звук и движение. Хоть идохнул на меня свежим алкоголем, но был, скорее всего, почти как стеклышко. Только слегка замутненное...

– Привет, – сказал я радостно с веселой улыбкой.

За дверью почувствовалось движение и давление, и я, еще не выпустив дверную ручку, снова открыл ее и так же резко закрыл. Давление второй охранник оказывал своим лбом. Нос и все лицо, стараясь сдержать поток крови, он зажимал двумя ладонями. Дверь соприкоснулась со лбом восхитительно звонко. Не знаю вот, что так зазвенело. Дверь вроде бы деревянная и так звенеть не должна. Но это вопрос второстепенный. А главный вопрос стоял прямо передо мной, и дверь нас не разделяла. Чудак зачем-то вытащил пистолет и наставил мне в грудь. Пистолет, как мне показалось, бое-

вой, хотя даже лицензированным охранникам разрешается носить только травматическое оружие. Это мне не очень понравилось, но охранник повел себя глупо. Есть старое правило спецназа. Если на тебя наставили пистолет и сразу не выстрелили, значит, стрелять не хотят, а хотят что-то от тебя узнать или заставить тебя что-то сделать. И ты имеешь полное право пистолет у противника отобрать. Тем более если имеешь возможность до него дотянуться. Сама эта процедура на многочисленных тренировках отработана до автоматизма и много времени не занимает. Я легко повернул корпус так, чтобы ствол смотрел параллельно моей груди, а не в нее, растопырив пальцы, создал рычаг между большим пальцем и мизинцем и этим рычагом легко захватил руку с пистолетом. Пистолет создавал моему рычагу дополнительную мощную жесткость. Охранник оказался глупым и попытался сопротивляться. Он, думается, плохо в школе уроки учил. Еще в школе в детские головы вдалбливают знаменитую фразу Архимеда: «Дайте мне точку опоры, и я переверну земной шар». Древний ученый говорил о рычаге и о силе рычага, а не о собственной физической мощи. У меня точка опоры была, рычаг был. А взятая на излом с одновременным вывихом кисть охранника была, грубо говоря, тем самым «земным шаром». Долго он сопротивляться рычагу не мог. Я его «перевернул», а пистолет оказался в моей руке. Дополнительный удар ногой в горло обезопасил моего противника от дальнейшего моего нападения. Пусть спокойно

полежит.

Но остался второй, который тихонько постукивал чем-то в дверь. Наверное, лбом. Проявив свойственное всем людям милосердие, я открыл дверь. Охранник стоял перед ней на коленях и что-то мычал. Два неожиданно полученных удара дверью, кажется, лишили его и дара речи, и соображения. Может, язык сдуру откусил, может, дураком стал на временной или даже на постоянной основе. Пили они, похоже, не закусывая, вот и решил закусить своим языком. Я хотел было и второго от следующего удара дверью обезопасить и уже ногу поднял, чтобы тяжелым армейским башмаком в сонную артерию ударить, но тут увидел в руках у охранника трубку «мобильника». Это он перед ней что-то мычал, вдруг разувившись говорить. Пришлось наклониться и вежливо взять из его рук телефон. Посмотрел. Монитор не горел, значит, номер он не набирал. Но на задней панели самой трубки была расположена большая красная клавиша. Я знал, что это такое. В просторечье эта клавиша называется «тревожной кнопкой». Значит, охранник вызвал подкрепление. И вызвал его не откуда-то с другого конца города, а, надо полагать, снизу, из машины. И мне следует готовиться. Я и приготовился, отобрав пистолет у второго охранника и переведя его в аналогичное первому состояние касанием носка башмака. Потом проверил оружие. Оба пистолета были боевыми. Первый охранник, дурак, поднял оружие, не опустив предохранитель в боевое положение. Скорее всего, просто забыл. Я

полностью вытащил обойму и передернул затвор. Патрона в патроннике не было. Значит, охранник вообще и выстрелить-то в меня не мог. Просто пугал, пугать по-настоящему не умея. Пусть теперь сам напуганным ходит.

Хотя никто из нас не кричал, я вообще одно слово только и сказал, вежливо поздоровавшись, а самые громкие звуки за все короткое время схватки издавали нос и голова второго охранника, все же Елизавета Николаевна эти звуки услышала и вышла из комнаты.

– Что происходит?

Я вошел в прямоугольник света, падающий из прихожей, показывая стволами пистолетов на незваных гостей.

– Новые владельцы ключей пожаловали...

Наклонившись, я похлопал по карманам второго охранника и вытащил ключи в том самом знаменитом чехле из натуральной кожи с золотым тиснением. Протянул их Чукабаровой, как законной и единственной наследнице имущества погибшего брата.

Она взяла ключи и строго посмотрела на меня:

– Это вы их так?

– Одного – я, чтобы не пытался в меня стрелять. Второй споткнулся и на дверь носом упал.

– У них пистолеты есть? – снова спросила наивная женщина.

– А вы думаете, что я с собой по паре пистолетов беру каждый раз, когда из дома выхожу?

– Это не ваши пистолеты? – Она все же хотела детской ясности.

– Это их пистолеты. Боевые.

– Тогда почему они не стреляли?

– Потому что я попросил отдать мне оружие. – Я уже начал сердиться на этот допрос.

И потому просто обрадовался звонку в дверь. К охранникам пожаловала помощь.

– Кто-то еще пришел? – спросила Елизавета Николаевна так, словно я обязан был это знать.

Я начал понимать, что не только внешность не позволила ей до сих пор выйти замуж. Молча взял связку ключей из ее рук и пошел к входной двери. В прихожей, к сожалению, горел свет, и выглядывать в дверной «глазок» было опасно. Свет в прихожей видно через «глазок». И когда свет закроется, то есть человек пожелает посмотреть, кто пожаловал, с той стороны вполне могут выстрелить прямо сквозь дверь. Это я теоретически знал и потому сначала закрыл «глазок» стволом пистолета, сам оставшись в стороне от двери. Выстрела не последовало. Может, даже и стрелять никто не собирался. Только после этого я подошел к «глазку» и посмотрел. На лестничной площадке стоял мужчина примерно моего возраста и моей комплекции в камуфлированном костюме без погон и обеими руками опирался о дверные косяки. Дверь помешала почувствовать, пахнет от него или нет водкой. Спрашивать я ничего не стал, воспользовался тем, что

охранники, кажется, смазали замок перед тем, как открывать, беззвучно вставил ключ, повернул его, резко распахнул дверь, жалея в глубине души, что она внутрь открывается и это не позволяет повторить фокус со вторым охранником, и только после этого спросил:

– Чего надо? Это тебя по тревоге разбудили? Тогда заходи...

И, не церемонясь, но контролируя ситуацию, ухватив за куртку чуть выше локтя, рывком забросил человека в квартиру. И дверь тут же закрыл. Я вообще-то видел, что человек ждал возможного удара, и готов был предпринять собственные действия. В этом случае, особенно когда бить у меня возможность была только в дверной проем, то есть невозможно было нанести какой-то размашистый свинг или оверхенд и оставался лишь один прямой удар, как правило, человек, владеющий рукопашным боем, просто чуть отклоняется в сторону и бьет навстречу через руку, сильно «ввинчивая» кулак в противника. Это «ввинчивание» добавляет удару до тридцати процентов поражающей силы даже при том, что сам встречный удар будет выглядеть легким. Но я бить не стал, а просто затащил противника в прихожую – там уже можно было разбираться. К тому же я заметил, что человек этот с некоторым изумлением смотрел на мои подполковничьи погоны, и потому внимание его от моих действий было отвлечено. В городе все знали, что бригада спецназа ГРУ стоит в небольшом поселке в пригороде, и встретить на ули-

цах офицера-спецназовца из военной разведки было делом нередким. И мало дураков находилось, кто желал бы связываться с нами и нарываться на конфликт. Репутация действовала так же, как когда-то действовала на противника репутация славянских «оголтелых» воинов⁴. Нас уважали и побаивались. И с нами считались. Удивляться этому не приходилось, потому что мы знали себя и своих солдат воспитывали на научных данных, которые говорили, что при улыбке у человека задействуются сорок мышц, а при нажатии спусково-

⁴ Оголтелые – в дохристианские времена в среде славянских воинов существовал, грубо говоря, так называемый клан оголтелых. Перед боем эти люди, как правило, обладающие особым психическим даром (сейчас это называется – эмпатичные люди) или прошедшие под руководством волхвов специальную психологическую подготовку, снимали с себя все доспехи, оголялись по пояс, откуда и произошло их название (оголтелый – оголивший тело), и выходили так на бой, отличаясь особой скоростью (так называемая, хрономагия) и несравненной яростью. Дружина оголтелых была чем-то сродни скандинавским берсеркам, только берсерки использовали наркотические вещества, добываемые из мухоморов, а оголтелые использовали психические энергии самогипноза и саморегуляции организма. Их скорость, ярость и неустранимость (без доспехов они были многократно легче и потому быстрее) позволяли просто сминать противника и прорубать в его рядах целые просеки. Бой оголтелых, как и бой берсерков, считался элементом боевой магии. И порой случалось, что противник, только увидев в рядах войска людей с голым торсом, предпочитал отступить еще до начала общей сечи. С наступлением христианства, порицающего гипнотические методы воздействия на психику (Господь предоставил человеку волю и право выбора, и даже сам не позволяет себе заставлять человека что-то делать по своей воле. Как же может это делать другой человек!), оголтелых в славянском воинстве готовить перестали. Их и без того всегда было мало, поскольку эмпатичные люди, как сейчас, так и раньше, встречались не часто, а с приходом христианства они вообще исчезли с исторической сцены.

го крючка оружия всего четыре. Что сделать быстрее – понятно первокласснику. И легкая растерянность на лице пришедшего его выдала – он на какое-то мгновение потерял концентрацию и способность к сопротивлению, и это позволило мне действовать. Я не просто затащил человека в прихожую. Я еще и рывком швырнул его на стену, чтобы он лбом проверил, крепко ли приклеены обои. Не возразил бы даже против того, чтобы он эту же операцию выполнил носом. Но он среагировал и успел выставить руки. Уважал, видимо, в отличие от второго охранника, свое лицо. Я же без разговоров ткнул его в позвоночник между лопатками стволом трофейного пистолета. Это было и больно, и впечатляюще, потому что человеку, имеющему дело с оружием, не понять, что ему в спину упирается, было сложно. Он понял и не суетился, хотя, как мне показалось, растерянности своей не утратил, а уверенности не обрел. Уверенность в его лице держалась только в первые две секунды после открытия двери. Не ожидал он моего гостеприимства. Готовился к отражению удара, что естественно, или, в худшем случае, к разговору, а в итоге запрыгнул в квартиру не хуже пьяной лягушки, получившей добрый пинок. А отражение удара или разговор, с одной стороны, и лягушачья ловкость, с другой – суть слегка разные вещи, характеризующиеся различной траекторией движения и языка, и тела.

– Руки на стену. Попытка сопротивления для тебя кончится посмертным поносом. Я не шутник, пристрелю сразу.

Если человек ставит руки на стену, а сам стоит от стены на расстоянии полушага и не слишком широко раздвинув ноги, хотя и не составив их рядом, то он имеет неплохие шансы к сопротивлению. Поднятыми руками от стены легко нанести удар хоть слева, хоть справа, хоть по оружию, хоть по человеку. Это я знал хорошо, сам солдат обучал поведению в такой ситуации. Пришедший, похоже, знал то же самое и потому стал именно так. Я не замедлил воспитать его. Болезненным пинком, от которого колени слегка подогнулись, раздвинул его ноги шире и поставил его так, чтобы он только поддерживал равновесие упором в стену, а без этой поддержки рисковал бы упасть в нее носом, как второй охранник в дверь. Он вынужден был принять мои условия, поскольку ствол все еще упирался ему в позвоночник, а он знал, видимо, манеру офицеров спецназа ГРУ сначала стрелять, а потом разбираться. По крайней мере, в нерешительности нас обвинить трудно, и мы это мнение о себе стараемся всемерно поддерживать. Да, мы умеем действовать, но и воспитывать мы тоже умеем.

В прихожую вошла, перешагнув через лужу крови, вытекшую из носа второго охранника, Елизавета Николаевна. Глаза ее были прищурены, а зрачки расширены.

– Я не понимаю, что здесь происходит, – сказала она. – Смерть моего брата, кажется, вызвала какую-то локальную войну?

Она, оказывается, могла оперировать такими терминами,

которые недоступны большинству наших сограждан, понятия не имеющих о том, что такое локальная война. Меня это, признаться, слегка удивило.

– Елизавета Николаевна? – спросил мой пленник, поглядывая через свое плечо.

Я милостиво разрешил ему разговаривать, пока он находится в сознании. Но считал это явлением временным.

– Да. Это я, – ответила она с небольшим удивлением. – Мы с вами знакомы?

– Нет. Я просто догадался. Семейное сходство у вас с братом...

Елизавета Николаевна фыркнула кошкой. Это было его ошибкой, начать разговор с ее внешности, которую она сама, наверное, многократно уже оценивала. И, как человек, вроде бы в здравом уме находящийся, скорее всего, оценивала правильно.

– Что вы хотите сказать?

– Я только что заезжал к вам, чтобы вместе с вами прийти сюда. Ключи от квартиры лежали на рабочем столе вашего брата. Ваш адрес был в его личном деле. Мы хотели войти сюда под вашим присмотром, не более.

– Прийти сюда? Зачем? – спросила Елизавета Николаевна подозрительно.

– В сейфе Владимира Николаевича недостает нескольких важных документов, составляющих государственную тайну. Мы подумали, что он взял их с собой домой, поскольку ино-

гда работал дома. И вынуждены были прийти сюда поискать...

Это был прокол, который я сразу оценил. Не знаю, обратила ли на него внимание Елизавета Николаевна. Но с какими важными документами может работать дома дрессировщик? Это нонсенс. Дрессировщик и доступа к документам, носящим какой-то гриф секретности, не должен иметь. И вообще, неизвестно еще, имеет ли отношение к государству какое-то научно-производственное объединение «Химера», работающее якобы с государственными тайнами. Но высказать свои подозрения я не поспешил.

– А кто вы такой? – спросил я требовательно. – Представьтесь!

– Майор Лукьянец. Областное управление Федеральной службы безопасности. Документы у меня во внутреннем кармане бушлата. Можете полюбопытствовать. Показать?

– Пойдите пока в своей естественной позе. Я сам посмотрю.

Крепче вдавив ствол пистолета в позвоночник пленнику, я вытащил из кармана документы, заодно определив пистолет в подмышечной кобуре, и посмотрел служебное удостоверение. Впрочем, я сам таких удостоверений могу за день с десятков отшлепать. Был бы принтер, сканер и образец. И потому, отступив на шаг, чтобы выпасть из поля зрения Лукьянца, который все еще держал голову вполоборота, я вытащил трубку и набрал номер Вячеслава Викторовича Поно-

марева, знакомого мне полковника из ФСБ, заместителя начальника областного управления.

– Вячеслав Викторович, приветствую вас.

– Андрей Васильевич? – переспросил он.

– Так точно. Я не слишком рано? Не разбудил?

– Я уже в машину сажусь, чтобы на службу ехать. У вас ко мне дело?

– Так точно. Есть у вас такой человек – майор Лукьянец Юрий Захарович?

– Особист, что ли? Есть такой.

– Спасибо. Тогда второй вопрос. Что такое НПО «Химера»?

Последовала долгая пауза. Но ответ все же прозвучал, и достаточно категоричный:

– Послушайте, Андрей Васильевич, дружеский совет. Если ваши пути как-то пересеклись с этой организацией и если есть возможность, бегите прочь, и как можно быстрее, и как можно дальше. Закройте глаза на все, что могли увидеть, вычеркните из памяти все, что могли узнать. Бегите... Бегите... Лукьянец, кстати, курирует эту контору...

– Спасибо, товарищ полковник. Я понял...

Понять-то я понял, но вот вести себя я привык зачастую так, как мне нравится, а не как мне советуют. А в данном случае мне нравилась мысль разобраться в ситуации с гибелью моего бывшего сослуживца. И если совсем недавно еще я думал, что Елизавета Николаевна бредит в своем женском

возбуждении, уподобляясь курице, которая всегда старается перебежать дорогу перед близко идущей машиной, то теперь я понял, что она даже недооценивает ситуацию. И без меня справиться с ней не сможет. Разве что погибнет, попытавшись разобраться...

Так я воспринял совет полковника Федеральной службы безопасности...

Глава 4

Елизавета Николаевна смотрела на меня, ожидая, когда я оглашу сообщенное мне по телефону. И я вынужден был признать право этого человека на что-то, что не совсем вяжется с нашим обычным восприятием простых прохожих на улицах. Он может делать то, что не могут делать они. Просто в силу своего служебного положения.

– Этот человек в действительности является офицером ФСБ, если только не носит документы другого майора Лукьянца, настоящего. Настоящий майор Лукьянец курирует работу НПО «Химера», где, как я понимаю, служил Владимир Николаевич. Нужно проверить документы у доблестных охранников НПО, если они соответствуют действительности, я полагаю, они пришли сюда не с улицы и по делу. Пусть они поищут. Может быть, и мы им поможем.

Хитрые охранники до этого не шевелились, хотя я видел, что оба уже пришли в себя. Это можно было понять по напряжению уставших лежать в одной позе тел.

– Хватит спать, молодые люди, документы предъявите.

Второй охранник сначала потрогал свой нос, шумно потянул им воздух, прощупав затылок, убедился, что нос не вышел с обратной стороны головы, и после этого только сел и вытащил из кармана удостоверение. Я шагнул к нему, взял, сверил лицо с фотографией.

– Это не твои документы. Тут фотография другая, – сказал я.

– Как другая? – не понял охранник.

– Здесь человек с нормальным носом. На тебя совсем не похож, – я бросил ему в ладонь удостоверение охранника. – Лицензию на оружие!

Лицензию на оружие охранник вытащил из-под обложки паспорта. Я сверил номер с номером пистолета. После этого пистолет поставил на предохранитель и бросил охраннику вместе с лицензией.

Майор ФСБ все так же стоял враскорячку, положив руки на стену. Жалко его стало. Устал, похоже, бедолага.

– Вольно, майор, расслабься.

Юрий Захарович вздохнул и принял нормальную человеческую позу. Но даже в ней усталость от недавнего стояния у стены чувствовалась. Кто не верит, пусть сам эту позу испробует. Через пять минут руки становятся свинцовыми, а ноги едва держат и потом долгое время шевелиться не желают. Эта поза не зря придумана.

– И что? – спросил он.

– Я не закончил, – ответил я и посмотрел на первого охранника, лежащего уже в комнате, но в том пятне света, что падало из прихожей. – Эй, ты, окурок моей искренней печали, с документами ко мне! И живо шевелись...

Охранник почти лихо подпрыгнул, вытащил документы и подошел качественным строевым шагом, довольный, что не

сильно пострадал после нашего знакомства, и хотя бы внешне демонстрирующий готовность оказать любую услугу, хоть чай заварить, хоть в магазин за бутылкой сбегать. Документы и у него были в порядке. Пришлось даже пистолет вернуть.

– Приступай к поиску, майор... – распорядился я. – И попроси охранников вернуть в карманы одежды с вешалки то, что они оттуда вытащили. Мелочь какую-то и горсть семечек. Елизавета Николаевна простит им мелкое воровство...

Елизавета Николаевна опять фыркнула, резко развернулась и ушла в дальнюю комнату. Надеюсь, что она спать там ложиться не намеревается, я двинулся за ней. Майор Лукьянец, уже практически оживший, почти без страха шагнул следом за мной, словно знал, что там располагается рабочий стол Владимира Николаевича.

Елизавета Николаевна уже надевала свое поношенное пальто, а надев, сразу взяла в руки со стола общую тетрадь.

– Что это? – спросил майор строго.

– Это не брата. Это мое. Моя работа.

Я тут же, не сомневаясь долго, отключил кабель ноутбука от сети и от Интернета и обмотал сам ноутбук проводами, которые тоже намеревался забрать.

– А это? – спросил майор уже у меня.

– Моя собственность. Выделял для сохранности Владимиру Николаевичу на время своей командировки на Северный Кавказ. Дома без присмотра оставить не решился. Там только мои файлы, я уже посмотрел. Владимир Николаевич

только Интернетом пользовался. Я сам ему перед командировкой подключал...

Майор посмотрел на Елизавету Николаевну. Она согласно кивнула.

– Мы поедem. Не будем вам мешать. Вы квартиру потом закрыть не забудьте.

Лукьянец поколебался, но все же решил и меня на место поставить. Но сделать это он захотел, как мне показалось, совершенно зря!

– А избиение сотрудников охраны предприятия, вы считаете, должно остаться проходным эпизодом? Они как-никак при исполнении находились...

– У них на руках, как я понимаю, есть ордер на обыск, выписанный судьей? Мне они этого ордера пока не предъявляли. Попросите их сами, а то меня они могут не понять, и это для них в очередной раз чем-то нехорошим кончится. Может, конечно, и стрессом обойдемся, но может и нечто более наглядное произойти. А вообще бы, Елизавета Николаевна, я бы на вашем месте не рискнул доверить осмотр квартиры этим людям. Не знаю насчет товарища майора, а охранники явно вороватые. Как только вошли, сразу принялись очищать карманы одежды на вешалке. Товарищ майор до карманов добраться не успел. Может, что-то посолиднее ищет. Присмотреть бы...

– Если у вас есть время... – Так она попросила меня не оставлять ее одну.

– Хорошо, – согласился я. – Мне спешить некуда. Вы здесь, в комнате, товарища майора проконтролируйте. А я в той комнате присмотрю за охранниками. Ключи у них после осмотра необходимо забрать и вызвать вашего друга, начальника уголовного розыска, чтобы квартиру опечатали.

– Я ему сейчас же позвоню. Пусть побыстрее приезжает... – Она вытащила из кармана трубку, явно демонстрируя намерения.

Лукьянец откровенно злился. Но старательно это скрывал. И потому, пока Елизавета Николаевна звонила, он принялся заглядывать поочередно во все ящики письменного стола. Но осмотр вел настолько невнимательно, что ни одной бумаги даже не прочитал. Хотя я не знаю, может быть, разыскиваемые документы имели какой-то яркий цвет или удушающий запах. И определить их присутствие можно было бы за секунду.

Я вышел в большую комнату. Охранники тоже по всем шкафам лазили. Что они искали, непонятно. Но я не думаю, чтобы какие-то секретные документы Владимир Николаевич стал прятать среди стопок постельного белья.

Сначала я хотел было сесть в кресло, откуда имел бы возможность хорошо видеть охранников, но передумал, прошел к двери и заглянул в нишу, где прятался перед встречей гостей. Сначала ниша показалась мне глубокой. Но когда я в нее спрятался, уперся во что-то спиной. Сейчас, раздвинув висящую на вешалке старую одежду, я нащупал в темноте

стену. Причем настолько недалеко, что это вызвало у меня сомнение. Длина моей руки, наверное, сантиметров семьдесят пять – восемьдесят. А глубина ниши-чулана должна быть чуть меньше полутора метров. Тем не менее, даже при существующей глубине, я никак не мог бы упереться в стену лопатками. Во что же я упирался? У меня по спине пробежал холодок. «Задней памятью» я представил, что кто-то двумя руками отталкивал мои лопатки, чтобы я ему ноги не отдал. Это было загадкой, которая заинтриговала меня, но в то же время она не должна была бы стать загадкой для охранников, которые подошли, словно заинтересовались моими действиями. Свои они, похоже, завершили.

– Что? – спросил я.

– Что? – спросил второй.

– Да вот, смотрю, почему я тебя не убил дверью. В чем я допустил промашку? Очень хотелось сработать качественно, думал голову тебе пополам расколоть, а не получилось. Нос, что ли, помешал? Зачем ты такой длинный себе отрастил? Может, еще раз попробуем?

– Спасибо, в другой раз, – охранник вежливо отошел.

– Ловлю на слове, – пообещал я. – В другой раз при встрече обязательно убью... Прячь нос и готовь голову, я постараюсь бить аккуратно...

Обыск завершился без результата. Никаких документов, как я и предполагал, они не нашли и, как мне показалось, больше меня сомневались в существовании этих документов. Охранники вручили Елизавете Николаевне ключи от квартиры и поспешили удалиться.

– Когда начальник уголовного розыска приедет, что ему сказать? – поинтересовался я на прощание, пока дверь за майором Лукьянцем не закрылась.

– А ему что-то обязательно говорить? Если у него будут вопросы, пусть звонит мне.

– Номер...

– Пусть звонит дежурному по управлению. Или номер скажут, или соединят через коммутатор. С этим проблем не возникнет. Главное, чтобы я на месте был. Меня сложно застать в управлении, – майор явно торопился, не желая встречаться с полицией. А охранники уже давно покинули подъезд, о чем сообщила хлопнувшая внизу дверь. И Лукьянец поспешил за ними.

Елизавета Николаевна вздохнула с облегчением. Я облегчения не чувствовал. Мне не давала покоя мысль о том, что же или кто же упирался в мои лопатки в нише за дверью.

И потому я еще раз туда заглянул. Фонарика у меня с собой не было, подсветить было нечем, а в полумраке рас-

смотреть что-то качественно невозможно. Стены были «обшиты» стругаными и протравленными морилкой досками из тех, что зовут «вагонкой». Такие доски позволяют без проблем скрыть какой-то тайник или ход. Но разобраться с этим ни времени, ни возможности пока не было. Тем более что и Елизавета Николаевна туда же сунулась. Чтобы не мешать ей, я покинул нишу и вышел на середину комнаты. Но ей в этом чулане без меня показалось скучно. И она тоже вышла.

У меня, в принципе, как и у майора ФСБ, желания общаться с полицией не было, но вовсе не потому, что полицейские могут мне задать какие-то неприятные вопросы. Просто не люблю я их брата и иногда не пытаюсь скрыть своего отношения. Но в данном случае мне все же хотелось узнать новости о расследовании, если они появились. Как-никак, а начальник уголовного розыска района должен быть лицом информированным.

Но приехал не сам начальник уголовного розыска, а только два его подчиненных.

– А что Павел Александрович? – спросила Чукабарова.

– У него совещание, – объяснил чернявый старший лейтенант.

Она вздохнула, но возразить не решилась, хотя внутренне, конечно, как все люди, не могла согласиться с тем, что она не является центром вселенной и что вся вселенная вертится не для нее с ее делами. Люди все и всегда эгоцентрики, кроме разве что святых, и все мы привыкли сожалеть, когда другие

наш эгоцентризм не принимают за тот, который они обязаны обслуживать, и предпочитают обслуживать свой.

– А... По делу какие-то новые обстоятельства прояснились?

– Нет. По делу Чукабарова изменений пока нет, – сказал второй полицейский, капитан с усталым лицом и мутными глазами. – Но вас просил позвонить судмедэксперт. Вы вчера, насколько я помню, с ним общались. У него есть к вам вопросы.

– Судмедэксперт... – Она слегка растерянно вытащила свою трубку, потом, подумав, спросила: – А номер какой? Я номера не знаю. Он у меня дома записан.

– Номер... – Капитан вытащил свою трубку, «пролистал» большим пальцем «записную книжку», нашел номер и продиктовал.

Елизавета Николаевна повторяла и сразу набирала номер. Потом поднесла трубку к уху и долго ждала ответа. Наконец, ответили.

– Игорь Владимирович, это Чукабарова. Вы просили позвонить?

Пока она разговаривала, я, взяв под локоть, вывел капитана на кухню.

– Извини, капитан, что я оказался замешанным в этом деле. Я старый армейский товарищ убитого, и мне его сестра позвонила, хотя я толком и не понимаю зачем. Я видел копии протоколов, что вы для нее сделали. Поэтому основные

вопросы мне ясны. Только само место происшествия там не указано. Где его нашли?

– На окраине города. По дороге в охотничье хозяйство. Люди один раз мимо проехали, видели машину с раскрытой дверцей. Через два часа назад ехали, машина стояла все так же, и дверца была так же раскрыта. Подумали, что-то произошло. И нашли тело.

– Это далеко от НПО «Химера».

– Это совершенно другое место. «Химера», как мы узнали, располагается в сорока километрах от города в поселке Серебряный Бор. Даже в стороне от поселка. Еще пару километров в сторону от основной дороги – в лес. Мы пытались в эту «Химеру» дозвониться, но там ни один телефон не отвечает. Они вообще-то работают или нет?

– Должны работать. Мне сказали, что предприятие функционирует. А чем они вообще занимаются? Вы к ним вхожи?

– Понятия не имею, чем занимаются. Приедут за машиной убитого, тогда и спросим.

– А что за машина?

– «Уазик». Специально оборудованный. На дверце большой фирменный знак НПО «Химера». Надпись по кругу, а внутри какой-то страшный зверь сидит.

– Это не просто зверь. Это и есть химера. Там, в комнате, куртка хозяина на стуле. Эта эмблема на рукаве. Можете посмотреть.

– Что смотреть, если я на машине видел.

– «Уазик» как оборудован? Что значит, специально оборудованный? Бронированный, с зенитными пулеметами на крыше?

– К счастью, без пулеметов. И даже не бронированный. Только два места, водителя и пассажира. Вместо задних сидений и багажника одна большая клетка, разделенная на две части. Посредине перегородка – ломом не сломаешь. Все из толстой арматуры, под арматурой сетка «рабица». Говорят, убитый был дрессировщиком собак. Наверное, специально для перевозки собак машина. Интересно, каких таких жутких зверей он в этой машине возил? Наверное, кавказцев или алабаев.

У нас в бригаде Владимир Николаевич тоже занимался дрессировкой собак. Овчарка – собака серьезная. Но у нас не было машин с клетками внутри для перевозки собак. И наличие такой машины у Владимира Николаевича меня слегка смутило. Но везде могут быть собственные порядки, и удивляться раньше времени не стоит. Хотя любопытствовать можно.

– Капитан, а можно мне на эту машину посмотреть? Дозволь военному разведчику удовлетворить свое любопытство.

– Приезжайте, товарищ подполковник. Я сам покажу. Мы с вами, кстати, почти коллеги, – он улыбнулся слегка виновато и с легким смущением. – Я срочную службу служил в спецназе ВДВ.

Я тоже улыбнулся, но без смущения.

– Не совсем коллеги, капитан. Я сам лично своих солдат, которые с нагрузками не справляются, отправлял в спецназ ВДВ дослуживать. Там они к месту приходились.

Это капитана, кажется, не обидело. Он свое место знал. Или знал, что такое спецназ ГРУ.

– И все равно, я тоже из спецназа. Мне это в службе сильно помогает.

– Часто в «рукопашку» попадать приходится?

– За всю ментовскую жизнь, скажу честно – один раз. И то не по делу. Но спецназ характер дает. А в нашей службе характер нужен.

– С этим трудно не согласиться. И с первым утверждением, и со вторым. Характер везде нужен. Так как, договорились, я подъеду. Как тебя найти?

– Капитан Ставров. У дежурного спросите, он вызовет. Только поторопитесь. Я после обеда буду опять в эту «Химеру» звонить, чтобы машину забрали. Пока она у нас во дворе стоит. Если дозвонюсь, заберут, не дозвонюсь, придется туда ехать. И еще... После обеда нам следователя выделяют из следственного управления при следственном комитете. У них там какие-то сложности были. Сразу выделить не смогли. Он может и не разрешить постороннему в эту машину соваться. И, конечно, сразу нас погонит сюда, на эту квартиру, обыск делать. Это нормальная практика. Мы привыкли. Опечатали, распечатали. Опять запечатали.

– Договорились. Часов около одиннадцати я к вам подь-

еду...

* * *

Мы вышли из квартиры все вместе. Полицейские на наших глазах опечатали дверь своей печатью. На замочные скважины тоже по печати наклеили. Мы с Елизаветой Николаевной молча ждали, когда они свое дело закончат. Только закончили, за соседней дверью что-то загрохотало. Причем прямо рядом с дверью. Похоже, любопытный сосед наблюдал за происходящим в дверной «глазок» и что-то уронил. Или сам упал. Старший лейтенант в этот «глазок» погрозил указательным пальцем. Авторитетно так. Дверь не ответила.

Елизавета Николаевна вышла первой и сразу направилась к моей машине, как к заказанному такси. Полицейский «жигуль» стоял в другой стороне двора. Капитан со старлеем двинулись туда. Я сел за руль. Чукабарова без разговоров устроилась на переднем сиденье.

– Что от вас судмедэксперту понадобилось? – спросил я, заметив ее нетерпение. Как всякой женщине, ей хотелось поделиться с любым человеком тем, что она узнала. Я в этой ситуации оказался случайным встречным. Причем идеальным. Тем, кто будет слушать.

От возможности рассказать она оживилась.

– Он сразу спросил, сколько лет было Владимиру, хотя у них там все его документы имеются. Я, конечно, удивилась и

сказала. Подтвердила то есть, что в документах. Он мне тоже не поверил, как и документам. Вот вы, Андрей Васильевич, как считаете, Владимир был физически подготовленным человеком?

– А что вы подразумеваете под термином «физическая подготовка»? Есть разные уровни физической подготовки. Физкультурника, спортсмена-любителя, профессионального военного, профессионального спецназовца, спортсмена-профессионала и, как высшее, спецназовца ГРУ. Думаю, что на профессионального спортсмена и на профессионального спецназовца ГРУ Владимир Николаевич не совсем тянул, хотя в годы службы в бригаде вынужден был проходить подготовку. Но, при всей неоднозначности нашей службы, ему, как кинологу, особых нагрузок и не давалось. Даже солдаты получают нагрузку в несколько раз больше. Кроме того, что Владимир Николаевич был кинологом, он ведь был еще и сапером, то есть со взрывными устройствами работал. А саперам, как и снайперам, запрещается работать с грузом больше двадцати пяти килограммов. Это чтобы руки не закрепощать. Тем не менее если, например, сравнить Владимира Николаевича с простым физкультурником, то есть человеком, занимающимся не спортом, а физкультурой, иначе говоря, заботящемся о своем здоровье, и не более... Например, тем, кто по утрам пробежки совершает, а по вечерам ходит с какой-то группой играть в футбол или в волейбол... То он, несомненно, многим физкультурникам мог дать фо-

ру. И в «рукопашке» имел хорошую подготовку. У него были хорошие данные для рукопашника. Длинные руки, приличная резкость, природное чувство дистанции...

– А о биологическом возрасте вы что-то знаете? Я слышала этот термин, но он меня совершенно не интересовал.

– Это имеет отношение к звонку судмедэксперта?

– Самое непосредственное.

– Тогда вам лучше обратиться к более грамотному в этом отношении человеку. Я знаю только, что обычно биологический возраст у человека слегка не совпадает с физическим. Но все зависит от того, какой образ жизни ведет человек. И несовпадение может колебаться в одну и в другую сторону. Но отклонения обычно не бывают существенными.

– Так вот, судмедэксперт, который всю ночь просидел с телом Владимира, говорит, что тело у него по биологическому возрасту соответствует телу двадцатилетнего очень сильного и очень тренированного атлета. А организм просто напичкан тестостероном. Это, как он объяснил, мужской половой гормон, который употребляют профессиональные спортсмены, несмотря на запрет, для повышения спортивных показателей. А я, как сестра, могу точно сказать, что Владимир никогда атлетом не был. Даже в свои нынешние тридцать девять лет, – сказала она резко и тут же поправила себя: – Тем более в свои тридцать девять лет. Он не был слабым и не развитым, но и не был атлетом. Никогда спортом всерьез не занимался. И ни к каким высоким достижениям не стремился. Ни в

каких соревнованиях не участвовал. И потому утверждение судмедэксперта меня сильно удивило. Я даже предположила, что он там, в морге, тела спутал и кого-то другого обследовал. Ему, конечно, этого не высказала, но сказала правду. Насчет Владимира и атлетизма.

– Интересно... – сказал я, не зная, что и подумать по этому поводу.

– А вы точно его опознали?

– Вы издеваетесь?

– Нет. Я только сомневаюсь.

– Тогда где сейчас сам Владимир? Ладно. Вы меня домой отвезете?

– Конечно.

– А ноутбук вы хотите себе забрать? – Она вроде бы как укоряла меня голосом, потому что знала настоящего хозяина ноутбука.

Но этот вопрос я уже для себя решил.

– Я хочу посмотреть содержимое его папок, что меня заинтересует, я скопирую, вдруг да сгодится. А потом завезу его вам. Теперь это ваша вещь. А в обмен взял бы потом вашу общую тетрадь... Тоже только на время. Ноутбук я оставлять не захотел, как вы тетрадь. Из солидарности... Майор со своими помощниками забрал бы его, а потом ищи и спрашивай, куда они дели. Я не доверяю таким деятелям, которые приходят с обыском, не имея на руках ордера и не пригласив, согласно закону, понятых.

– Едем... – прервала Елизавета Николаевна мое словоизлияние.

Полицейская машина уже проехала мимо нас, пока мы разговаривали. Тронулся с места и я. Хотя ехать было недалеко, мы все же потеряли много времени. Просто выехать со двора сразу не смогли, потому что движение на улице было такое интенсивное и плотное, что втиснуться между машинами было невозможно. Люди на работу теперь привыкли на машинах добираться. А потом ставят машины до вечера под окнами своих офисов, и другим место для парковки найти сложно. И год от года ситуация ухудшается. Уже начали во многих городах газоны вдоль улиц убирать, чтобы облегчить дорожную ситуацию. Но и это не спасает. С увеличением пропускной способности дорог опережающими темпами увеличивается количество автомобилей. Тем не менее до дома Елизаветы Николаевны все же доехали. Я за этот короткий отрезок пути несколько раз посматривал в зеркала заднего вида. Мне показалось, что одна и та же машина за нами едет. Не вплотную, но все же за нами. Но увидеть в зеркало, есть ли у нее на дверце символ НПО «Химера», было невозможно. Да и не все машины этого объединения, подумалось мне, имеют на себе этот символ.

Чтобы потом опять не терять время на попытки вклиниться в дорожно-транспортный поток, заезжать во двор я не стал, просто остановившись в том месте, где через сугроб виднелся хорошо протоптанный проход. Елизавета Никола-

евна уже положила руку на дверцу, желая выйти, когда мне позвонили. Она должна была выйти, но почему-то замешкалась, словно ждала моего сообщения после разговора или сама хотела что-то важное сказать на прощание, когда я закончу разговаривать.

Я вытащил трубку. Номер звонившего был мне незнаком. Я не всегда отвечаю на звонки с незнакомых номеров. Это часто просто от настроения зависит. Но сейчас обстоятельства складывались так, что я готов был отвечать на каждый.

– Андрей Васильевич... – сказал знакомый голос, от которого хотелось вздрогнуть и посмотреть через плечо на Елизавету Николаевну. – Здравствуй.

– Наконец-то объявился, друг дорогой... Здравствуй, – сказал я умышленно расслабленным голосом, поскольку всегда хорошо умел владеть собой. Но по имени-отчеству собеседника не назвал. Соблюдал осторожность даже в присутствии Елизаветы Николаевны, поскольку никогда не полагаюсь на женскую способность держать язык за зубами. Иногда меня это качество выручало. – Как живешь-поживаешь?

– Твоими молитвами... Стараюсь...

– Объяснишь ситуацию?

– Чуть позже. Когда напрямую к тебе за помощью обращусь. А это, думаю, будет необходимо. Или за помощью, или хотя бы просто за советом. Это все от ситуации зависит. А сейчас только предупредить хочу. Это очень важно. Слушай внимательно.

– Слушаю.

– Ноутбук откроешь, в корневой папке «Мои документы» не щелкай по папке с именем «Бомба». Ноутбук сразу взорвется. Там восемьдесят граммов тротила. Хватит, чтобы квартиру разнести и голову компьютерщику оторвать. Хотя заряд и без осколков, но сам ноутбук на осколки разлетится. Осторожнее с этой папкой. Все остальные можешь смотреть. Там ничего секретного нет. Любопытное для себя найти сможешь, особенно фотографии. Только не думай, что это эффекты «Фотошопа»⁵. Там же, кстати, есть ссылки на интернет-сайты, там ты можешь найти и эффекты «Фотошопа», хотя и не все подряд под фотомонтаж подходит. Сам, думаю, отличишь, где и что и чему следует верить. Смотри только, не взорвись...

– Спасибо. Хорошенькая история. Сам устройство делал?

– Сам. Я надеялся, что ноутбук заберут парни Лукьянца. Оказалось, ты. Но я им еще несколько ловушек приготовил. Запасные ходы. Надеюсь, там «прокола» не получится.

– Спасибо за предупреждение. Дезактивировать возможно?

– Позови Лаврушкина, он сделает. Он знает эту систему и знает, с какого винта нужно начинать разборку. Там тоже свои хитрости. Сам не начинай. Не зная, можешь взорваться. У меня все. Я потом тебе позвоню. Сестре, попрошу тебя, ничего не говори.

⁵ «Фотошоп» – компьютерная программа для обработки изображений.

Капитан Лаврушкин сейчас занимает ту же должность, что занимал прежде отставной капитан Чукабаров, и в какой-то степени является учеником Владимира Николаевича. Предложение пригласить Лаврушкина говорило мне, что Чукабаров серьезно относится к своему предупреждению. Просто так специалиста приглашать никто не будет.

– Хорошо. Жду твоего звонка. Можешь и просто в гости заглянуть. Так будет легче разговаривать. Легче пойдем друг друга.

– Пока у меня возможности нет. Как только появится, я зайду. На этот номер мне больше не звони. Я уже трубку брать не буду. Вернее, «симка» будет без трубки. Я ее просто выброшу. И вообще, сам лучше меня и найти не пытайся. За тобой тоже могут установить контроль. Только уж в самом крайнем случае. Где искать, ты знаешь. Я там именно и буду.

– Знаю. Я понял это еще на месте.

– Я догадался. Ты не мог не понять. И еще? Если я все же заявлюсь к тебе? Задавай мне какие-то вопросы. Спрашивай то, что можем только мы двое знать. Проверь, я ли это...

– Не понимаю. Что значит – ты ли это?

– Не могу это объяснить по телефону. До встречи.

– До встречи...

Я, сбросив с лица напряжение от разговора, мечтательно улыбнулся, может быть, чуть-чуть по-дурацки, убрал трубку и посмотрел на Елизавету Николаевну. Улыбка моя была адресована именно ей, хотя она этого понять была не должна.

Она словно бы ждала моего сообщения и на дурацкую улыбку внимания не обратила. Значит, улыбался я не слишком наигранно и актерскими способностями от Бога не обделен.

Взгляд женщины был жестким и сосредоточенным.

– Старый товарищ объявился. Давно не виделись. Пропал было совсем человек, но выплыл. Закалка спецназовская помогла. Сослуживец... Кстати... Помнится, вы говорили, что у вас третий комплект ключей от квартиры брата, а второй находится у него дома. Вы не смотрели, где эти ключи?

– Смотрела. Они всегда висели на гвоздике рядом с вешалкой. Сейчас их нет.

Она говорила одно, а думала, как мне показалось, о другом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.